Серия «Ревность»

Книга 2

Бывшая

Как перестать ревновать к прошлому мужа

Юлия Стэфани Херрера

Юлия Стэфани Херрера

Бывшая. Как перестать ревновать к прошлому мужа

«Автор»
2026

Херрера Ю.

Бывшая. Как перестать ревновать к прошлому мужа / Ю. Херрера — «Автор», 2026

Она была до тебя. Она знает, каким он был раньше. И иногда тебе кажется, что именно с ней он был счастливее.Ника живёт с Сергеем два года, но однажды открывает фотографии его первой свадьбы. С этого момента прошлое мужа становится её невидимой соперницей. Чужие семейные снимки, воспоминания свекрови, дочь от первого брака — всё напоминает Нике о женщине, чьё место она боится так и не занять.Она пытается быть лучше бывшей жены, не замечая, как постепенно теряет себя.«Бывшая» — вторая книга серии «Ревность». Через историю Ники вы увидите, почему мы сравниваем себя с прошлым партнёра, как ревность разрушает уверенность в себе и почему любовь не должна превращаться в соревнование.Внутри — психологические разборы, упражнения и готовые фразы для разговоров с близкими.Можно ли перестать бороться с женщиной, которая даже не участвует в этой борьбе?

© Херрера Ю., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. Находка 6
Глава 1. Альбом 6
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Бывшая. Как перестать ревновать к прошлому мужа

Херрера Юлия Стэфани
Серия «Ревность». Книга вторая
Бывшая
Как перестать ревновать к прошлому мужа
16+

Часть первая. Находка

Глава 1. Альбом

В 23:40 Ника открывает альбом.

Она не собиралась. Она мыла чашку, когда телефон в кармане халата звякнул: уведомление от школьной группы про собрание. Ника вытерла руки, прочитала, закрыла. Потом, вместо того чтобы отложить телефон, набрала в поиске фамилию.

Девичью фамилию Оксаны она узнала прошлой зимой: Сергей назвал её, когда объяснял, почему Мила числится в списках на школьную экскурсию под другой фамилией.

Профиль открыт. Двести четырнадцать фотографий в альбоме «Свадьба», август 2013.

Она листает.

Первые тридцать — загс. Оксана в платье, платье простое, без корсета, с длинным рукавом; у неё короткая стрижка и очень прямые плечи. Сергей в костюме, который ему велик в плечах. Они стоят у окна, и кто-то снимал со вспышкой, и на стекле видно отражение чьей-то руки с телефоном.

Ника смотрит на платье.

Сергей в самом начале как-то упомянул, что платье взяли напрокат: «Мы тогда еле вытянули». Ника помнит эту фразу дословно, хотя не смогла бы с такой же точностью пересказать, о чём они говорили вчера.

Дальше — ресторан «Причал». Столы, белые скатерти, кто-то произносит тост и держит рюмку двумя руками. Оксана смеётся, запрокинув голову. Нике кажется, что она слышит её смех.

Потом танцы.

И вот здесь Ника останавливается.

Сергей танцует. Он стоит посреди зала, расставив руки, и смеётся с открытым ртом, и голова у него откинута, и он совершенно, абсолютно не такой, каким она видит его каждый день.

Она смотрит на этот снимок минуту. Потом две.

За два года она ни разу не видела у него такого лица.

Он смеётся, конечно. Он смеётся над сериалами, над Милой, над тем, как Ника путает передачи в машине. Но не так. Не с открытым ртом. Не откинув голову. Не так, как будто ему двадцать восемь и весь мир — это зал с белыми скатертями.

Она выходит из свадебного альбома, но остаётся в профиле.

Фотографии 2013 года сменяются фотографиями 2014-го. Мила в одеяле. Мила в ванне. Мила спит на его груди, и он спит тоже, и они оба дышат с открытым ртом.

Ника закрывает альбом.

Потом открывает снова.

⁂

В 00:10 она замечает то, чего не замечала первые полчаса.

Обои.

На фотографиях 2015 года — ремонт. Оксана в футболке и резиновых перчатках клеит обои в коридоре. Обои серо-зелёные, с мелким ромбом, и Ника знает эти обои, потому что живёт с ними два года.

Она встаёт и идёт в коридор.

Включает свет. Обои серо-зелёные, с мелким ромбом. В одном месте, у самой двери в ванную, рисунок сбит — полоса наклеена криво, на сантиметр ниже.

Она возвращается в кухню и находит фотографию, где видно этот стык.

Он там есть.

Потом она идёт в ванную и смотрит на плитку. Белая, двадцать на тридцать, шов сверху чуть темнее остальных. На фотографии 2015 года, где Мила чистит зубы, видна эта же плитка и тот же шов.

Ника стоит в ванной, в халате, в половине первого ночи, и трогает пальцем шов.

За два года она мыла эту плитку раз сто, ни разу не задумавшись, кто её выбирал.

Теперь она представляет, как это могло быть. Оксана стоит перед стендом в магазине на Ленинском и говорит Сергею: «Вот эта, матовая». Ника уже слышит голос, хотя ни разу с ней не разговаривала.

Она стоит на кухне в халате, в 00:15, и держит телефон двумя руками, и понимает простую вещь, которую не понимала раньше: она живёт внутри декораций чужого брака.

Сергей купил квартиру в 2012-м. Ника знала, что ремонт они с Оксаной делали вместе, но до этой ночи представляла себе только какие-то общие слова про стройку. Теперь она видит в каждой вещи чей-то выбор, сделанный без неё.

Ника два года думала, что живёт в квартире мужа. Оказалось, она живёт в квартире, где до неё жила другая женщина, и та другая женщина оставила здесь свой почерк — в буквальном смысле, в виде полутора метров обоев, наклеенных криво.

⁂

В спальне Сергей переворачивается и говорит сонно:

— Ты чего не спишь?

— Пить хотела.

— Иди сюда.

Она ложится. Он кладёт руку ей на бок и через минуту снова спит.

Ника лежит и смотрит на люстру. На фотографии 2016 года Мила прыгает на диване, и над ней висит та же люстра. Ника ловит себя на мысли, что уже успела приписать и этот выбор Оксане.

Она думает: а какую люстру выбрала бы я.

И не может ответить. Она вообще не знает, какую люстру она бы выбрала, потому что за два года ни разу об этом не думала — люстра уже была, и она была нормальная.

Вот это, оказывается, самое неприятное. Не то, что он любил другую. То, что он уже всё выбрал. Что в его жизни нет пустых мест, в которые можно войти: там всё занято, всё обжито, всё имеет вкус, и вкус этот не её.

Она лежит до 2:40.

Утром она встаёт раньше него, варит кофе и садится с чашкой у окна.

Сергей выходит заспанный, в футболке, и говорит:

— Ты чего в такую рань?

— Не спалось.

— Опять?

— Опять.

Он наливает себе кофе, садится напротив и молчит. Он не спрашивает, что случилось, — он вообще не из тех, кто спрашивает. Он ждёт, пока скажут.

Ника смотрит на него и думает: а с ней ты спрашивал?

И понимает, что не знает. И что этот вопрос — тоже из тех, на которые она не хочет ответа.

⁂

Утром она ведёт сольфеджио у второго класса.

Дети поют гамму, и один мальчик, Гриша, всё время сбивается на терцию вниз. Ника подходит к пианино, играет ему ноту, он повторяет неправильно, она играет ещё раз.

— Гриша, слушай.

— Я слушаю.

— Ты слушаешь, но не слышишь. Слушать — это когда ты замечаешь. Слышать — это когда ты можешь повторить.

Она говорит это и вдруг думает: вот и всё, что нужно знать про мою жизнь.

Она замечает всё. Она не может повторить.

⁂

После урока остаётся девятилетняя Даша. Она играет «Кузнечика», пьесу, которую Ника давала многим начинающим.

В середине Даша сбивается и на всякий случай начинает сначала.

— Даш. — Ника садится рядом на банкетку. — Ты играешь, как будто боишься, что тебя услышат.

— Я боюсь.

— Кого?

— Маму. Она стоит за дверью и слушает.

Ника смотрит на дверь. Мать Даши ждёт на диванчике в коридоре; из класса не видно, слышит ли она музыку.

— Она ждёт в коридоре. Ты думаешь, она слышит всё до последней ноты?

— Она слышит, — говорит Даша. — Она всегда слышит.

Ника замечает, как Даша прижимает локти к бокам, будто сама старается занимать в комнате поменьше места. В её игре осторожность уже важнее мелодии.

— Давай сделаем так, — говорит Ника. — Сыграй мне её три раза подряд. Первый — как обычно. Второй — громко. Третий — как хочешь.

Даша играет первый раз. Второй. На третьем она сбивается, смеётся и играет дальше, и это единственный раз, когда звук у неё получается живой.

— Вот, — говорит Ника. — Вот так.

— Так неправильно.

— Вот в третий раз я услышала, что ты хотела сыграть. А место, где сбилась, мы сейчас разберём отдельно.

Даша уходит. Ника остаётся в классе одна, с открытой крышкой пианино.

Она не играет. Она уже года четыре не играет для себя — только показывает детям, как надо, и аккомпанирует на отчётных концертах. У неё дома нет инструмента: в квартире стоит цифровое пианино, купленное «для Милы, если захочет», и Мила не захотела, и пианино стоит в спальне под простынёй, и на нём лежат гладильная доска и коробка с зимними вещами.

Она закрывает крышку и идёт на следующий урок.

⁂

Днём, на перемене, Нику находит Женя. Она ведёт аккордеон и обычно выходит на пожарную лестницу, когда между уроками выкраивается пять минут.

— Ты какая-то варёная.

— Не спала.

— Опять?

— Опять.

Женя затягивается и говорит:

— Ты его опять проверяла?

— Я не проверяю.

— Ник.

— Я не проверяю его. — Ника садится на подоконник. — Я смотрю фотографии его бывшей жены.

Женя молчит.

— Долго смотрела?

— Достаточно, чтобы сегодня ничего не соображать.

— Они сейчас общаются?

— Конечно. У них же Мила. Остального не знаю.

— Она в другом городе?

— В нашем.

Женя тушит сигарету о перила.

— Слушай, — говорит она. — Я тебе скажу как человек, который развёлся дважды. Прошлое — это не соперник. Это склад. Там лежит то, что было, и оно не выдаётся обратно.

— Я знаю.

— Тогда какого чёрта ты сидишь ночью и смотришь на её платье?

Ника смотрит в окно, на школьный двор, где дворник собирает листья в мешок.

— Потому что на одной из этих фотографий он смеётся так, как при мне не смеётся, — говорит она.

Женя молчит.

— И что? — говорит она наконец. — Он что, обязан?

— Нет.

— Тогда?

— Тогда я не знаю, — говорит Ника. — Я просто хочу понять, что у них было такого, чего у нас нет.

Женя смотрит на неё и говорит тихо:

— А может, дело ещё и во времени. Ему было двадцать восемь. Ты тогда сама всё время пропадала за инструментом. Кто вас теперь сфотографирует такими, какими вы были тринадцать лет назад?

— Это утешение? — спрашивает Ника.

— Это объяснение. Утешения у меня нет, я тебе не психолог. — Женя смотрит на часы. — Звонок через минуту. Иди работай и перестань лазить по её странице.

— Я не лезу в его телефон.

— Не в этом дело. Ты вторую перемену подряд сидишь у окна и даже не заметила, что чай остыл.

⁂

Вечером она заходит в интернет с ноутбука — не с телефона, чтобы «не было истории» в телефоне, и от этой мысли ей самой становится смешно.

Альбом открыт. Она находит тот самый снимок — танцы, открытый рот, откинутая голова.

Она нажимает «сохранить».

Фотография падает в загрузки. Ника смотрит на неё секунд десять, потом закрывает ноутбук, потом открывает снова и переименовывает файл: «не удалять».

Она не знает, зачем ей эта фотография. Она не собирается её никому показывать, она не собирается её распечатывать, она вообще не понимает, что с ней делать.

Но она её оставляет.

⁂

В пятницу приезжает Мила.

Ника просыпается в шесть, хотя будильник на семь. Её тошнит — не сильно, просто как будто в груди кто-то затянул ремень на одну дырку.

Она знает это чувство. Оно приходит каждую вторую пятницу, ровно за два часа до того, как Сергей уезжает за дочерью, и проходит к вечеру, когда Мила уже сидит на диване и ест печенье.

Потому что Мила — это не просто ребёнок.

Мила была здесь до Ники. Иногда при ней Нике трудно забыть об этом.

Она наверняка что-то помнит: как папа собирал вещи, как мама плакала в ванной. Но Ника не знает, что девочка видела сама и что ей рассказали позже. В год ремонта Мила была совсем маленькой.

Ника входит в комнату, и двенадцатилетняя девочка поднимает глаза от рюкзака.

— У вас есть скотч? У меня папка разошлась.

⁂

В тот день, ещё до приезда Милы, Ника задержалась в школе на последнем уроке Даши. Ника увидела её мать раньше, чем саму Дашу: в коридоре, у стенда с объявлениями, женщина пыталась втиснуть в школьный шкаф длинную коробку. На коробке была нарисована клавиатура.

— Извините, — сказала она, когда Ника подошла. — Я хотела убрать, чтобы она не увидела раньше времени. Человек из доставки сказал, что может только до пяти, пришлось сюда заказать. Вы же не будете против?

Ника придержала дверцу шкафа. Клавиатуру покупали, судя по коробке, самую короткую. Хорошую для того, чтобы нащупать мелодию, взять на дачу, посадить играть двух детей по очереди. Для этюдов, которые они начнут весной, половины клавиш не хватит.

— Это Даше?

— Она просила. Ну, не просила, я сама додумалась. У нас дома старый инструмент, он такой тяжёлый. Хотим его отдать. Вы скажите, она с этим будет заниматься? Продавец сказал, тут всё есть.

Ника увидела в торце коробки стикер с ценой. Сумма была такой, какую нельзя назвать неудачной покупкой и на этом закончить разговор. Она помогла вытащить коробку, поставила её у стены и попросила женщину задержаться после урока. Нужно было сначала понять, что Даша умеет делать дома, а чего избегает и почему.

— Она скажет, что всё умеет, — ответила мать. — Ей главное, чтобы я отстала.

В класс Даша вошла, глядя себе под ноги. Ника не стала спрашивать, что было дома. Разложила на пюпитре ноты и попросила девочку сыграть только левую руку. Даша сыграла, забыла остановиться и взяла первую ноту правой.

— Извините.

— Зачем извиняться? Ты услышала, куда мелодия идёт дальше. Давай проверим, туда ли.

Они сыграли вместе. В одном месте Даша поменяла палец, а в другом, наоборот, оставила его там, где обычно торопилась убрать. Когда доиграли до конца, Ника попросила её отойти к окну и назвать место, где лучше слышно. Даша стала у окна, потом у шкафа, потом прислонилась спиной к двери.

— Здесь слышно, как вы педаль отпускаете, — сказала она.

Ника сыграла ещё раз. За дверью прошёл кто-то в тяжёлых ботинках; вместе с ним на несколько секунд исчезли бас и верхний голос. Тогда она поняла, что девочка на прошлом уроке была совершенно права. Мать могла не стоять у двери вплотную и всё-таки слышать. Никто не спросил Дашу, какие именно звуки она ждёт за спиной.

— Дома тоже слышно, — сказала Даша. — У нас бабушка стучит в стенку, когда я повторяю. Она в соседней комнате по телефону работает.

Ника не знала, что с ними живёт бабушка. До сих пор она думала, что Даша садится за инструмент в гостиной и тянет время из обыкновенной детской лени, а мать подгоняет её без особой причины. На самом деле за вечер надо было успеть между последним звонком бабушки и возвращением маленького брата с прогулки. Потом начиналась еда, вода в ванной и всё, что бывает в квартире, где у четырёх человек разное представление о тишине.

— И ты когда играешь?

— В среду можно долго. В четверг никак. Иногда я жду в школе, пока освободится кабинет, но уборщица меня выгоняет.

Кабинет освобождался в четверг на двадцать минут. Ника знала эти двадцать минут наизусть: она уходила в учительскую, наливала чай и успевала ответить Сергею или прочитать одно длинное письмо. Отдать их было нетрудно один раз. Сделать из этого каждую неделю ещё один урок — совсем другое дело. Она открыла журнал. В соседнем классе в это время не было никого; если договориться с администратором, можно оставить там Дашу, оставаясь поблизости и не сидя у неё за спиной.

— Сейчас я не обещаю, — сказала она. — Узнаю, кому принадлежит время в кабинете, и отвечу вам обеим.

Пока Даша складывала ноты, из коридора показался угол длинной коробки. Мать махнула рукой: раз уж увидела, секрет закончен. Даша села на край стула, не снимая рюкзака.

— Можно включить?

В коробке оказалась инструкция, провод и пакет белых наклеек с названиями нот. Даша мгновенно заинтересовалась наклейками; мать стала искать розетку. Ника положила инструмент на свободную парту и попросила девочку сыграть начало пьесы так, как она играла только что. Даша сыграла. В середине оказалось, что правая рука ещё может двигаться вверх, а левой уже некуда. Девочка попробовала перенести низ на октаву выше. Мелодия осталась узнаваемой, но левая рука теперь мешала правой.

— Можно поиграть мелодию с братом, — сказала Ника. — Можно подобрать песню или взять с собой летом. Если нужен инструмент для занятий вместо вашего, этот короткий. Стоит уточнить, можно ли его вернуть. А старое пианино пока не отдавайте: сначала проверим, чего вам не хватает дома.

Мать перестала перебирать шнур.

— Получается, зря я?

— Вы хотели, чтобы она могла играть, когда хочется. Нам это тоже нужно. Просто давайте проверим, что поможет именно у вас дома.

Даша нажала кнопку с изображением барабана, и из инструмента понёсся весёлый пластиковый марш. Все трое вздрогнули. Девочка быстро выключила звук и засмеялась; мать засмеялась вместе с ней. Потом они вдвоём упаковали клавиатуру. Ника смотрела, как Даша придерживает коробку коленом, чтобы мать не уронила на пол пакет с проводом. Они ушли, решив вечером посмотреть условия возврата. В первый раз за всё время мать забыла спросить, какую Даша получила оценку.

В пустом классе Ника открыла крышку пианино и проверила тот бас, который у окна звучал глуше. Клавиша работала, просто в комнате было слишком много мягких вещей: занавески, старый коврик, три пальто на вешалке. Из коридора этот бас почти пропадал. Чтобы услышать, что Даша играет, надо было сесть на её место. Ника села, попробовала левую руку и вдруг обнаружила, что не помнит правую. Пьеса была простая; когда-то она играла её с листа, а теперь пальцы ждали нот. Она достала из стопки Дашин экземпляр. На полях девочка нарисовала собаку с человеческими ресницами. Ника доиграла до собаки и закрыла ноты.

Администратор уже надевала куртку. Ника застала её у выхода и спросила про кабинет. Оказалось, ключ не должен покидать этаж, и в школе действует простое правило: если в комнате ребёнок, взрослый остаётся рядом. Можно было начать в следующий четверг, если расписание позволит. Ника попросила пока один пробный раз. Выходя, она заметила на подоконнике недопитый чай и поставила чашку в мойку.

На улице уже стемнело. Сергей написал, что забрал Милу и они стоят в очереди за хлебом. Ника набрала: «Купи яблоки». Потом добавила: «Только не зелёные», стёрла и написала точнее: «Мне хочется красных, кислых». Она стояла под фонарём, дожидаясь ответа, хотя нужно было идти к машине. Сергей ответил фотографией двух одинаковых на вид яблок и

спросил, какие из них кислые. Ника рассмеялась, пошла к парковке и отправила: «Выбирай любое. В следующий раз узнаем».

На фотографии всё случается одновременно: свет падает на скатерть, рука Сергея взлетает, Оксана смеётся. У Ники нет кадра за минуту до этого и минуты после. Она не знает, услышал ли он хорошую шутку или просто хотел рассмешить друзей. Но у неё есть точная деталь, которую можно удержать: при ней он так не смеётся. Из этой детали она пытается получить ответ на совсем другой вопрос: хорошо ли ему сейчас рядом с ней.

Фотография годится для первого наблюдения и мало говорит о втором. Даже длинный альбом отбирает удачные минуты. Он не обязан быть поддельным, чтобы давать неполную картину. Смеялся ли Сергей искренне? Вполне возможно. Можно ли из этого узнать, когда ему было лучше, какие чувства он испытывает к жене и счастлив ли он сегодня? Тут сведения заканчиваются. Признать этот предел особенно трудно ночью: мысли уже разогнались, а человек, которому хочется задать вопрос, спит за стеной.

Если вы заметили, что снова открываете один и тот же снимок, можно присмотреться к моменту перед нажатием. Что хотелось получить от фотографии именно сейчас? Увериться, что вы привлекательны? Выяснить, не упускаете ли важный разговор? Найти объяснение собственной скуке или расстоянию между вами? Ответ иногда меняется от вечера к вечеру. Обнаруженная привычка не является диагнозом и не требует немедленно отнять у себя телефон навсегда. Начать можно с короткого перерыва и с одной записи: что я точно увидела и что заключила из увиденного.

В квартире тревога цепляется за другое. Стук выключателя, рисунок обоев, след от прежнего крепления — реальные вещи. Они были здесь до Ники, но это не значит, что их нужно срочно заменить, чтобы получить право жить дома. Сначала можно назвать потребность, которая была и до фотографии: читать при хорошем свете, поставить ноты там, где ими удобно пользоваться, выбрать цвет полотенец. Такой выбор не отнимает у прошлого его места. Он просто оставляет место для нынешней жизни.

Всё это можно обсуждать с партнёром. Просьба о совместном решении по дому отличается от вопроса, чьи обои ему больше нравились. А разговор о редком смехе имеет шанс состояться без фотографии в качестве улики: чего им сейчас не хватает, когда они в последний раз проводили вечер без дел, есть ли у обоих желание что-то придумать. Партнёр может ответить неожиданно. Ценность разговора как раз в том, что ответ ещё не известен.

⁂

В субботу утром Мила сидит на кухне и ест сырники.

Ей двенадцать, у неё наушники на шее, и она говорит, не вынимая их:

— А почему у вас тут по-другому?

— Как по-другому?

— Ну. — Мила обводит рукой кухню. — Раньше тут висели эти… как их. С рисунком.

Сергей, стоя у плиты, говорит:

— Мы их сняли.

— А зачем?

— Потому что они были старые.

Мила кивает и возвращается к сырникам.

Ника смотрит на пустую стену, где раньше висели «эти с рисунком».

Она не знает, что там висело. Она никогда не спрашивала. И теперь ей хочется спросить — не про тарелки, а про всё сразу, про десять лет, про то, как это было, — и она понимает, что не спросит.

Потому что если спросит, придётся услышать ответ.

А ответ у неё уже есть: в папке «Загрузки», файл «не удалять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.